

А.И. РЕЗВУХИНА

*Магистрант направления «Культурология»
Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

ОСОЗНАННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА

В статье посредством обращения к опыту русской эмиграции начала XX века предлагаются основные векторы возможного разрешения современного кризиса идентичности в глобальном мире. Выявлена параллель между частным феноменом эмиграции прошлого и текущего вызова для мировой системы. В статье выявляются и анализируются основные принципы сохранения и передачи культурной памяти в ситуации отчуждения от родной культуры и культурного смещения, которые были использованы в начале XX века и которые могут быть вновь актуализированы в наше время.

Ключевые слова: русская эмиграция, эмиграция, эмигрантский человек, культурная память, память поколений, идентичность, кризис идентичности, кризис исторического сознания, XX век

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Топология культурной памяти в диалоге поколений» № 19-011-00775 А

AL.I. REZVUKHINA

*Master student in Cultural Studies
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia*

CONSCIOUS CREATION OF CULTURAL IDENTITY: EXPERIENCE OF RUSSIAN EMIGRATION OF THE XX CENTURY

By referring to the experience of Russian emigration of the early XX century the article offers the main vectors of possible resolution of modern identity crisis in global world. The article uncovers the parallel between the emigration's phenomenon of the past and the current challenge for the world system. The article identifies and analyzes the basic principles of preservation and transmission of cultural memory in a situation of alietion

from native culture and cultural mixing, which were used in the early XX century and which can be re-actualized in our time.

Keywords: Russian emigration, emigration, homo emigranticus, cultural memory, memory of generations, identity, identity crisis, crisis of historical consciousness, XX century

The project was supported by the RFBR grant «Topology of the Cultural Memory in the Dialogue of Generations» № 19-011-00775 А

В течение достаточно долгого времени феномены, связанные с процессами эмиграции и иммиграции, историей и функционированием различных эмигрантских диаспор, а также формированием идентичности в условиях эмиграции, приобретают большое значение как в общественно-политической жизни, так и в качестве объекта исследований в рамках различных научных дисциплин. В связи с этим выдвигаются даже предложения отдельно выделять и рассматривать, с философской и антропологической точки зрения в том числе, тип «эмигрантского человека» (*homo emigranticus*) [3; С.75]. В статье нам хотелось бы внести определенный вклад в анализ такого типа человека, рассмотрев его преимущественно в контексте особенностей сохранения и передачи культурной памяти в условиях эмиграции. После выявления таких характерных особенностей будет сделана попытка сопоставления их с некоторыми чертами, свойственным изменяющимся процессам передачи культурной памяти в современном обществе в целом – для установления возможных аналогий, которые позволили бы обосновать более широкое обращение к опыту «выживания» культуры в условиях эмиграции при попытках ответить на современные вызовы в данной области.

К важнейшим особенностям эмигрантской среды относится то, что передача культурной памяти вынужденно происходит в ситуации, когда ощущается крайний недостаток вещественных, материальных носителей памяти. Большая часть объектов материальной культуры, накопленной в стране эмиграции, становится недоступной для непосредственного восприятия. Даже те из них, которые могут быть вывезены в эмиграцию – предметы быта, одежды и т.д. – будучи исключенными из общей совокупности материальной культуры, теряют значительную часть своих исходных смыслов. Взамен они зачастую наделяются новыми, «ностальгическими» коннотациями – что парадоксальным образом может усилить стирание исходных смыслов, привести к «музеизации» вещи или к тому, что она воспринимается только как отсылка к стране происхождения. Такой трансформации способствует также и то, что предметы материальной культуры, как правило, вывозятся в относительно небольшом

количестве – а в рамках семьи как единичные, разрозненные, стихийно и случайно подобранные - и в новых условиях или не воспроизводятся, или даже при воспроизводстве воспринимаются как нечто неподлинное, подражательное, неспособное полностью соответствовать образцу. При этом нужно подчеркнуть, что с утратой предметов материальной культуры или их «музеизацией» утрачиваются и возможности сохранения и передачи от поколения к поколению связанных с ними культурных практик (к примеру, относящихся к культуре застолья, досуга, организации жилого пространства и т.д.).

Предельно остро проблема недостатка материальных носителей культурной памяти встаёт в отношении той части культурного наследия, которая принципиально не может быть ни перевезена с собой, ни воспроизведена в условиях эмиграции. В качестве её составляющих можно выделить образцы архитектуры городской и деревенской, как типовые, так и признанные знаковыми и выдающимися, архитектурные ансамбли, храмы, кладбища и мемориалы, памятники и памятные места и т.д., совокупность всех объектов материальной культуры, формирующих городскую или сельскую среду как в чертах общих для всей культуры, так и характерных для определенных города или местности – а также городские и сельские ландшафты в целом, включающие, в том числе, природные особенности соответствующей местности в том их восприятии, которое воспроизводится в рамках соответствующей культуры, и участвующие в формировании определённой культурно обусловленной картины мира. В условиях эмиграции любая возможность непосредственного, чувственного, телесного контакта с такими носителями культурной памяти (кроме возвращения в страну эмиграции) утрачивается. Единственным средством сохранения и передачи связанного с ними пласта культурных смыслов остаются, во-первых, собственные и чужие воспоминания, воспроизводимые в письменной или устной форме, и, во-вторых, образы, созданные в различных видах искусства, транслируемые посредством фотографий, киноматериалов. При этом неизбежно огромное значение приобретает вопрос о подлинности, аутентичности сохраняемых и транслируемых образов. Разумеется, в отношении нематериальных носителей культурной памяти данный вопрос встает с такой же требовательностью – но для этой области расхождение, зачастую весьма значительное, между различными образами одних феноменов культуры, представляет собой гораздо более привычную ситуацию. Материальные же носители, к примеру, такие, как ландшафт, вне экстремальной ситуации эмиграции в гораздо большей степени воспринимаются как данность, доступная при этом для непосредственного, однозначного восприятия. Поэтому осознание их внезапной невозполнимой недоступности (в про-

тивоположность, к примеру, художественным произведениям, которые и в условиях эмиграции остаются доступными для восприятия и отнесения в целях самоидентификации) и одновременное открытие неочевидности зафиксированных посредством таких материальных носителей феноменов культуры, затруднительность их передачи вне непосредственного опыта становится для эмигрантов травматической ситуацией и ставит их перед серьёзным вызовом, как компенсировать созданный недостаток «вещественности». При этом «истончение» материальной составляющей культуры не может оставаться без последствий для восприятия всей культуры в целом. К примеру, неизбежно встаёт вопрос, до какой степени возможно передать сложившееся в культуре восприятие ландшафта, опираясь только на различные сохраняемые в культуре образы, не подкрепленные собственным непосредственным опытом?

Во множестве оставленных эмигрантами материалов художественного, публицистического и автобиографического характера присутствует тоска по «утраченной вещественности» - в которую входит и болезненное переживание невозможности подвергнуть подлинность образов, сохраняемых средствами искусства и силами памяти, проверке реальностью. В особенно сложном положении при этом находится «младшее», «второе» поколение эмиграции, очутившееся за границей в детском или подростковом возрасте. Имеющее лишь ограниченные возможности опереться на собственные воспоминания, «второе поколение» вынуждено заимствовать представления о большей части материальной составляющей родной культуры у других – и при этом, как правило, гораздо сильнее старшего поколения осознает неизбежную фрагментарность и противоречивость транслируемых образов. В то время как представители старшего поколения могут проверять подлинность образов собственными воспоминаниями, пусть и допуская возможность неточностей ввиду погрешностей памяти, младшее поколение лишено даже такого критерия. [5; С.11] В связи с этим у представителей этого поколения неизбежно появляется опасение, что они приобщаются не к подлинной культуре, а к некоему искусственному, приукрашенному и предельно субъективному образу, неспособному выдержать столкновение с действительностью. Таким образом, ситуация, крайне сложная даже для поколения «отцов», для поколения «детей» приобретает подлинно трагический характер. Ситуация также усугубляется тем, что приходится иметь дело не просто со скудностью материальных носителей родной культуры – их отсутствие сопровождается постоянным неизбежным влиянием «вещественности» культуры страны или стран проживания. На с трудом полученные, неполные, проблематичные, не обладающие окончательной внутренней убедительностью образы ландшафтов, городов, архитектуры

родной страны накладываются ежедневные впечатления, относящиеся к другой культуре. Неизбежными становятся попытки выявления схожего или, наоборот, диаметрально различного, позволяющего оттолкнуться от противного, используемые для восполнения образов родной культуры.

С «истончением» материальной составляющей культуры тесно связана также и другая черта, которая нам представляется значимой при изучении сохранения и передачи культуры в условиях эмиграции – фрагментарность, мозаичность, прерывистость такой передачи. В то время как в условно «нормальной» ситуации человек соприкасается с феноменами национальной материальной и духовной культуры во всех сферах жизни, фактически непрерывно, во многом неосознанно и безальтернативно – в эмиграции обращение к исходной национальной культуре всегда предстает как выбор, которому существует альтернатива, даже в тех случаях, когда этот выбор не осознается. В различных сферах своей жизни эмигрант зачастую намного чаще соприкасается не с родной культурой, а с культурой страны проживания – влияние которой приобретает тот повседневный, неосознаваемый характер, который обычно имеет родная культура. Как мы уже писали выше, особенно подавляюще способно воздействовать всеобъемлющее присутствие «вещественности» другой культуры – при весьма ограниченном количестве доступных для непосредственного восприятия материальных носителей родной культуры. В меньшей степени это можно отнести также и к феноменам духовной культуры. Таким образом, в условиях эмиграции сохранение и передача культуры представляет собой прерывистый, непостоянный процесс, при этом в значительно большей степени осознанный и в значительно меньшей – безальтернативный, чем в условно нормальной ситуации.

Помимо того, нам хотелось бы обратить внимание на то, что в такой ситуации одновременно с уменьшением количества и разнообразия феноменов материальной и духовной культуры родной страны, с которыми человек соприкасается, возрастает потенциальное значение каждого из способов соприкосновения с такими феноменами, каждого из способов и каналов передачи культурной памяти в отдельности. Потому что если в условно «нормальной» ситуации соприкосновение осуществлялось множеством способов и при посредстве множества каналов, с возможностью обратиться ко всей совокупности материальной и духовной культуры – в эмиграции каждый из этих способов и каналов может оказаться одним из немногих или даже единственным доступным тому или иному эмигранту. В этом ключе изменяется даже значение тех феноменов, которые ранее не рассматривались как имеющие отношение к передаче культурных смыслов и ценностей, или в случае которых это значение не выходило на передний план и/или не осознавалось отчётливо. Так, к

примеру, как самими русскими эмигрантами «первой волны», так и исследователями её истории акцентируется внимание на том, что формируемые в эмигрантской среде институции (образовательные, религиозные, профессиональные и т.д.), а также осуществляемая ими деятельность и проводимые мероприятия, даже самого практически-повседневного характера, всегда рассматривались и оценивались в том числе, если не прежде всего, с точки зрения выполнения функции сохранения и передачи культурного наследия. Вместе с тем эта цель также почти всегда официально декларировалась. В этой связи хотелось бы ещё раз подчеркнуть значение фактора осознанности. Все вышеперечисленные институты и способы передачи культурной памяти выполняли схожую роль и в не эмигрантской ситуации – но неосознаваемым для большинства общества образом. В эмиграции же, с одной стороны, возрастает осознанность в этом отношении со стороны самых широких эмигрантских слоев, даже прежде не сталкивающихся с проблемами целенаправленного сохранения культуры – и, с другой стороны, осуществляется глубокое, разностороннее, тщательное изучение всех возможностей, которые могут быть использованы для передачи культурной памяти в сложившихся экстраординарных условиях, в особенности в отношении «младшего поколения» эмиграции. [1; С.90] Из множества схожих явлений можно выделить, к примеру, глубокую теоретическую и практическую проработку вопросов о роли и значении образования в сохранении и формировании культурной памяти – и созданные на этой основе (а потом на протяжении долгого времени функционировавшие в крайне тяжелых условиях) многочисленные образовательные институции различных уровней и направлений, действительно сыгравшие важнейшую роль в формировании и сохранении культурной идентичности младшего поколения эмиграции. [6; С.75]

Следующей характерной чертой сохранения и передачи культурной памяти в условиях эмиграции, в значительной степени обусловленной теми, которые были рассмотрены ранее, является создание специфической ситуации ослабления детерминированности и неосознанности. Человек оказывается поставлен перед необходимостью совершить принципиальный выбор – и почти лишен возможности не осознавать, что такой выбор осуществляется. Эмиграция является одной из тех кризисных ситуаций, в которых человек будучи поставленным, не может избежать проблематизации основы своей личности и способа жизни, своей самоидентификации. [4; С.251] Изучению различных аспектов кризисов, связанных с эмиграцией (как внутриличностных, так и затрагивающих целые сообщества) посвящено значительное количество исследований в рамках разных научных дисциплин. Во многих случаях основной упор делается на негативных, травматических последствиях внутренней и

внешней нестабильности, возникающей в условиях эмиграции, и это вполне оправданно. Однако, как в случае любых кризисных явлений, существует возможность взглянуть на ситуацию под другим углом – как на стимул и вызов, позволяющий «эмигрантскому человеку» «снять» собственную прежнюю идентичность, формировавшуюся во многом неосознанно, воспользовавшись переходом в другое культурное пространство как «инструментом для преодоления себя прежнего» [3; С.81]. В полной мере это относится и к тем выборам, которые он совершает в отношении культуры своей страны и культуры страны переселения. Принимает ли он решение не интегрироваться или наоборот попытаться полностью ассимилироваться в принимающей стране, или же интегрироваться в новую культуру с одновременным стремлением сохранить и хотя бы частично передать следующим поколениям культуру исходной страны эмиграции, или же любую другую возможную поведенческую стратегию – такой выбор, при его частичной вынужденности различными внешними условиями, всё же можно рассматривать как в достаточной степени свободный, и, прежде всего, лишь с трудом можно представить, что он совершается неосознанно, без хотя бы частичного осознания огромной ответственности.

Так как задачей нашей статьи выступает не столько анализ «эмигрантского человека», сколько выявления определенных характерных особенностей сохранения или передачи таким человеком культурной памяти, хотелось бы сделать акцент на осознанности, значение которой в данном процессе в условиях эмиграции увеличивается. Разумеется, в «нормальной» ситуации сохранение и передача культурных смыслов также зачастую осуществляется осознанно, с осознанием ответственности за собственное будущее и даже за будущее культуры в целом – однако далеко не всеми и не всегда, так как всегда существует возможность отступить в спасительную неосознанность. В условиях же эмиграции с необходимостью осознанного выбора в отношении форм сохранения и передачи вынужденно сталкиваются все эмигранты, вне зависимости от уровня понимания проблемы и готовности её решать. Более того, свой принципиальный выбор необходимо подкреплять постоянными «меньшими» выборами, постоянными ежедневными усилиями – которые требуются и в случае желания полностью отвергнуть свою культуру и принять новую, и в случае желания сохранить укорененность в культуре страны происхождения. Вследствие этого, эмигрантский опыт становится одной из значимых областей изучения процессов формирования динамичной культурной идентичности.

Однако как три выявленные нами значимые особенности передачи культурной памяти в условиях эмиграции могут быть использованы

также и при рассмотрении процессов, протекающих вокруг формирования и сохранения культурной идентичности в современной «нормальной», не эмигрантской ситуации?

Начать хотелось бы с последней характеристики – снятия детерминированности, неосознанности, непонимания, своего рода «принуждения к выбору» в отношении принятия или непринятия собственной культуры в целом и её отдельных феноменов. Изучение жизни современного общества даёт множество примеров того, что такого рода «принуждение к выбору» в пользу той или иной сознательной или хотя бы полусознательно определённой модели формирования культурной идентичности всё сильнее распространяется и вне эмигрантской среды. «Выбор по умолчанию», ещё недавно распространявшийся на если не большинство, то, по крайней мере, значительную часть носителей той или иной культуры, все чаще «снимается» – в попытке заново выстроить себя через определенное отношение к «своей» или «чужой» культурной среде. Для того, чтобы оказаться в кризисе культурной идентичности, теперь нет необходимости эмигрировать или оказываться в других экстремальных обстоятельствах – такая ситуация становится всё более распространенной и во вполне стандартных обстоятельствах. Таким образом, болезненная и потенциально травматическая (хотя одновременно потенциально стимулирующая) ситуация проблематизации своих культурных ценностей переносится с периферии эмигрантских сообществ в самое сердце культуры.

Отчасти это обуславливается общим и всесторонним кризисом идентичностей, постигшем человека – по предположению большинства исследователей, прежде всего по причине ускоряющейся динамикой изменений в обществе. В сущности, не осталось таких идентичностей – национальных, этнических, гендерных, профессиональных, религиозных, культурных и т.д. – которые избежали бы проблематизации, попыток постоянного пересмотра их рамок и содержания. Появляется даже возможность предположить, что в будущем, по крайней мере, какие-то сообщества будут существовать в состоянии, когда в отношении любого из этих типов идентичности выбор «по умолчанию» станет невозможен или крайне затруднен [7; С.73]. Тем не менее, нам представляется важным отметить, что в случае культурной идентичности такие изменения связаны также с двумя первыми особенностями, выявленными нами как характерные для передачи культурной памяти в условиях эмиграции, но которые в последнее время можно перенести и на состояние культуры в целом.

На первый взгляд, представляется, что говорить об «истончении» материальной составляющей культуры не приходится. Окружающая нас предметная среда, насыщенная материальными носителями культуры,

как будто становится только более насыщенной – и уж точно не собирается никуда исчезать. Однако при более подробном рассмотрении положение дел оказывается гораздо более проблематичным. В связи с динамикой общественных изменений, к которой не всегда получается приспособить прежние формы и способы передачи культурной памяти, в том числе между поколениями, многие слои смыслов, связанные с материальными носителями, становятся трудносчитываемыми, стираются, вытесняются – или же, особенно в случае архитектурных сооружений, памятных мест, городских ландшафтов – происходит их музеефикация, схлопывание всего прежнего богатства смыслов до «туристической достопримечательности». Одновременно активно распространяются явления, связанные с «виртуализацией культуры», в результате чего время непосредственного осознаваемого контакта с материальной средой культуры сокращается и/или обесценивается [2; С.92]. В результате возникает та самая «тоска по вещественности», которая в таком количестве присутствует в эмигрантских текстах – хотя в современной ситуации она приобретает характер парадоксальной, когда мир материальной культуры находится в непосредственной близости, но, тем не менее, воспринимается как отнятый и отчужденный, недоступный. В подобных условиях особое значение приобретает поиск подлинности, аутентичности, возможности непосредственного восприятия. Однако и такое усилие зачастую спотыкается об отсутствие чётких критериев подлинности, об осознание весьма вероятной обречённости и недостаточности таких попыток. В такой ситуации, как нам представляется, достаточно актуальным и востребованным мог бы оказаться анализ опыта подобного рода переживаний эмигрантов, также вынужденных в крайне тяжелых условиях вести почти обречённую борьбу за подлинность – и всё-таки понимавших, что такую борьбу вести совершенно необходимо, в том числе через выработку новых культурных образов и «очищение» старых.

Вторая характеристика, выявленная нами в отношении передачи культурной памяти в эмигрантской среде – фрагментарность, прерывистость контактов с феноменами культуры – также при сопоставлении оказывается вполне применима к современной ситуации и, как и в случае утраты контакта с вещественной составляющей культуры, вызвана, в первую очередь, сложностями передачи культурной памяти, прежде всего между поколениями, в условиях стремительно меняющегося мира. Которые, что особенно важно в данном случае, в свою очередь, связаны с общими проблемами коммуникации в современном обществе, на которую зачастую не хватает ни времени, ни понимания. В данной связи увеличивается роль каждого культурного феномена, с которым сталкивается человек – точно так же это может быть один из немногих моментов, ко-

торый сможет оказать действительно значительное влияние на его культурную самоидентификацию. В этой связи также полезной представляется возможность обратиться к наследию эмиграции, к её вдумчивому изучению всех возможных и осуществимых способов передачи культурной памяти даже в сложнейших условиях.

В заключение, следует ещё раз повторить, что анализ особенностей сохранения и передачи культурной памяти в условиях эмиграции и в наших условиях позволяет выявить, по крайней мере, несколько важных черт сходства. Такой результат открывает простор для дальнейших размышлений о том, до какой степени всё же доходит сходство между нами в нашей нынешней ситуации и «эмигрантского человека» прежних эпох, и как в этом отношении можно оценить современное состояние общества и человека. Не менее значимым нам представляется и то, что изучение опыта эмигрантов – и, прежде всего, выработанных ими форм передачи культурной памяти в сложнейших условиях – может многое дать не только для понимания нашей современной действительности, но и для решения некоторых присутствующих в ней проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Andreyev C., Savicky I. *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938.* – New Haven: Yale University Press, 2004. – 246 p.
- 2.Баева Л. В., Алексеева И. Ю. E-homo sapiens: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства.* – 2014. – №1. – С. 87-97.
- 3.Демидова О.Р. Эмиграция как проблема философии культуры // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина.* – 2015. – №3. – С. 74-81.
- 4.Зиник З. Существует ли эмигрантская литература? // *Зиник З. Эмиграция как литературный прием.* – М.: НЛО, 2011. – с. 249–255.
- 5.Лопачева Мария Каиржановна Писатели-эмигранты первой волны о кризисе идентичности // *Вестник СПбГУК.* – 2016. – №1 (26). – С. 10-15.
- 6.«Наставникам, хранившим юность нашу...»: Педагогика и педагоги русского зарубежья//ред. Оболевская-Флам Л.С., Раевская-Хьюз О.П. – М.: Издательство «Русский путь», 2017. – 224 с.
- 7.Шкарин Д.Л. Концепт «кризиса идентичности» в современном социально-философском дискурсе: теоретико-методологический аспект//*Вестник ЧелГУ.* – 2018. – №5 (415). –С. 71-77.

TRANSLIT

- 1.Andreyev C., Savicky I. *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938.* – New Haven: Yale University Press, 2004. – 246 p.
- 2.Baeva L. V., Alekseeva I. Yu. E-homo sapiens: virtual'nyj mikrokosm i global'naya sreda obitaniya // *Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva.* – 2014. – №1. – S. 87-97.
- 3.Demidova O.R. Emigraciya kak problema filosofii kul'tury // *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina.* – 2015. – №3. – S. 74-81.

4. Zinik Z. Sushchestvuet li emigrantskaya literatura? // Zinik Z. Emigraciya kak literaturnyj priem. – M.: NLO, 2011. – s. 249–255.
5. Lopacheva Mariya Kairzhanovna Pisateli-emigranty pervoj volny o krizise identichnosti // Vestnik SPbGUK. – 2016. – №1 (26). – S. 10-15.
6. «Nastavnikam, hranivshim yunost' nashu...»: Pedagogika i pedagogi russkogo zarubezh'ya // red. Obolevskaya-Flam L.S., Raevskaya-H'yuz O.P. – M.: Izdatel'stvo «Russkij put'», 2017. – 224 s.
7. Shkarin D.L. Koncept "krizisa identichnosti" v sovremennom social'no-filosofskom diskurse: teoretiko-metodologicheskij aspekt // Vestnik ChelGU. – 2018. – №5 (415). – S. 71-77.